

ФИЛОСОФИЯ ПОСЛЕ 11 СЕНТЯБРЯ

Город и апокалипсис

(К годовщине 11 сентября 2001г.)

Михаил Рыклин

Давно уже слово «апокалипсис» не употреблялось в интеллектуальном сообществе так часто, как после террористической атаки на Америку и прежде всего разрушения башен ВТЦ в Нью-Йорке. Обычным террором в городах трудно кого-то удивить: практически нет в мире крупной метрополии, где какое-то число жителей не стало бы жертвами подобных терактов (взрывов, использования отравляющих газов, разных видов огнестрельного оружия и т.д.). Но событию 11 сентября, в отличие от обычного террора, интеллектуалами был присвоен более высокий, апокалиптический статус. Дело здесь, конечно, не просто в количестве жертв, но и в месте, которое подверглось разрушению.

Ни в каком другом месте я не испытывал такого чувства безопасности, как на Нижнем Манхэттене, в сердце корпоративной Америки. Было ощущение пребывания в центре огромного, пустого (по вечерам там почти никого не было), во многом виртуального мира, в точке максимальной информационной насыщенности. И вот в этом месте возникли дымящиеся руины.

11 сентября 2001 года дискурс глобализации повернулся к нам, жителям мировых метрополий, крайне неприятной, травматической стороной. До этого о глобализации было принято говорить в оптимистическом ключе, а ее негативные стороны без труда выдавались за второстепенные следствия в целом позитивного поступательного движения, пути в лучшее будущее. Все это изменилось, когда в центре главного города единственной сверхдержавы, на месте символов ее процветания образовались руины, которые поразили всех своим молчанием. Собственно, в этом молчании и было, вероятно, заключено их послание. В этом контексте и возникла фигура Апокалипсиса, Страшного Суда, конца света: апокалипсис – террор, для которого еще нет языка, язык которого еще нужно породить. Неслучайно Жан Бодрийяр и Поль Вирилио приравнивали эти события к началу новой мировой войны – войны, в которой

уже нет внешнего врага, которую глобализованный мир ведет во многом против себя самого. Ужас перед апокалипсисом – это ужас перед глубиной своей вины. Взрывы в метро, автобусах, многолюдных переходах, торговых центрах, ресторанах, даже взрывы целых жилых домов квалифицируются как акты террора. Это не апокалипсис. Рационально эту разницу исключительно трудно объяснить – это пока еще чистый язык травмы.

В официальной интерпретации логически самым неприятным является сужения самого понятия террора. Спектр террористических практик чрезвычайно широк (в Европе, как известно, заговорили о терроре в связи с кровавыми событиями Великой Французской, а потом Октябрьской революции, т.е. в контексте государственного террора). Выделяя одну категорию террора как Террор с большой буквы и объявляя ему непримиримую войну (слово «Крестовый поход» в устах президента Буша было, конечно же, неслучайным), рискуют не только выдать индульгенцию другим категориям террористов, но и превратить их в борцов с Террором с большой буквы.

Мне кажется, более продуктивно в этой ситуации десакрализовать сам апокалипсис, понять его как один из жанров террора, а не как Террор с большой буквы, с которым дозволено бороться любыми средствами. Тогда, возможно, выяснится, что мы вообще можем обойтись без слова «Апокалипсис», без трубящих ангелов Страшного Суда и других малопонятных за пределами христианского мира образов. Да, право богатейшего государства решать судьбы мира поставлено под вопрос, да, крупнейшая метрополия предстала в своей уязвимости, которая, впрочем, отнюдь не сводится к возможной атаке извне – основные факторы уязвимости она заключает в себе самой.

Изобретая Террор с большой буквы, некий Страшный Суд, парадоксальным образом доказывающий нашу собственную невинность, мы неизбежно вкладываем в образ врага сокровеннейшую часть нас самих. До тех пор, пока это обстоятельство не будет осознано, мы не сможем сформулировать критерии победы, будем действовать патетично и хаотично. Если процесс овнешнения и вытеснения будет продолжаться, число запретов и других проявлений электронной несвободы может увеличиться настолько, что это и станет настоящим апокалипсисом – попытка его избежать, другими словами, лишь приблизит его наступление.

Самую знаменательную, на мой взгляд, фразу по поводу событий 11 сентября написал Жан Бодрийяр. Она звучит так: «Они (т.е. террористы – М.Р.) это сделали, но мы этого хотели». Без нашего бессознательного сообщничества этот акт не приобрел бы столь эпического размаха. Нас в нем фрустрировала реализация нашего же скрытого желания. Жизнь в современном глобализованном информационном обществе невыносима не только для жертв этой ситуации в Третьем мире, но и для тех, кто в полной мере пользуется ее благами. Ведь рост материального благосостояния

сопровождается ростом того, что французский философ называет «символической нищетой».

Словенский психоаналитик Славой Жижек в эссе с характерным названием «Добро пожаловать в пустыню реальности!» подметил, что в показе катастрофы в Нью-Йорке почти не было крови – только огромное облако пыли, накрывающее толпу людей. Между тем, мельчайший конфликт в странах Третьего мира обязательно сопровождается демонстрацией раненых, кровоточащих тел и трупов. Т.е. даже в момент нанесения травмы информационный урбанизированный мир отделял себя от «пустыни реальности», возникшей на его окраинах в результате разрастания мирового рынка. Шоком, собственно, и было появление в самом центре этого анестезированного мирового порядка дымящихся руин, которые долгое время удавалось успешно экспортировать на периферию; фрагмент того, что уже давно никого не удивляет в Сараево, в Грозном, в Кабуле и т.д., возник там, где его по определению не должно было быть – на Нижнем Манхэттене. Отсюда образ Апокалипсиса, не лишенный известной двусмысленности.

Не следует видеть в подходе большинства интеллектуалов простое проявление антиамериканизма – иначе нам придется отождествить «американизм» со всеми острейшими проблемами современных развитых обществ.

Нарциссическое стремление представить свою травму как уникальную (хотя на самом деле уникальна не травма – уникальны возможности ее трансляции, масс-медийного воспроизведения) по-человечески понятно, но едва ли реализуемо. В других местах травмы функционируют по тому же апокалиптическому сценарию. Если здесь, в Москве, нью-йоркский апокалипсис был воспринят многими столь близко к сердцу, то лишь потому, что он был понят по аналогии с собственной травмой: взрывами двух жилых домов в Москве три года тому назад, взрывом в переходе на Пушкинской площади и т.д. И это, думаю, не уникально: Большой Апокалипсис всегда связан с собственной травмой, по аналогии с которой понимаются все другие.

На самом деле смерть нескольких десятков собравшихся на свадьбу афганцев в результате ошибочных действий американской авиации не менее апокалиптична, чем крушение всемирно известных башен и гибель находящихся в них людей. Просто бедные страны не могут транслировать страдания своих граждан так широко, и оно оседает там же, где имеет место. Часто в локальных культурах вообще отсутствует представление об Апокалипсисе, да и в современной западной культуре оно, кстати сказать, лишилось многих измерений. Сейчас в Европе слово «Апокалипсис» употребляется по отношению к сильнейшим наводнениям, обрушившимся на Прагу, Дрезден, Зальцбург, Новороссийск и другие европейские города. В данном случае Апокалипсис обходится без террора, так как говорить о «терроризме природы» никому не

приходит в голову. Охотнее, чем в случае событий 11 сентября, признается и собственная вина развитых стран в изменении мирового климата (в частности, подчеркивается необходимость скорейшего подписания Киотского протокола).

Но, что интересно, из нашего официального дискурса об Апокалипсисе в результате секуляризации исчезла связь этого образа с высшей божественной справедливостью, он стал плоским и одномерным, зависимым исключительно от воли самих людей.

В процессе интерпретации событий 11 сентября апокалиптическая речь оказалась как бы поделенной на две части: интеллектуалы почти единодушно настаивали на имманентной апокалиптичности самих развитых информационных обществ, которым в глобализованном мире уже не противостоит ничто внешнее (таково современное понимание божественной справедливости); а их оппоненты, сторонники официальной точки зрения, превращают один вид террора в Террор с большой буквы, один вид врага во Врага как такового. Сами эти полярные крайности должны стать предметом осмысления.

Сентябрь 2002